

Лондон Джек

Джон Ячменное Зерно
Воспоминания алкоголика

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Д40

Д40 **Джек Л.**
Джон Ячменное Зерно: Воспоминания алкоголика / Лондон Джек – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 194 с.

ISBN 978-5-519-93878-5

ISBN 978-5-519-93878-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Глава I

Все это случилось однажды в день выборов. Был жаркий калифорнийский день. Я выехал из ранчо, спустился в Лунную Долину и направился в маленькую деревушку, чтобы голосовать За или Против ряда поправок к конституции Штата Калифорнии. День был жаркий, и я несколько раз выпил до баллотировки и много раз—после. Затем, поднявшись на покрытые виноградником и лугами холмы, я приехал на ранчо, когда уже была пора ужинать, и снова выпил—перед ужином.

— Как вы голосовали по вопросу о женском равноправии?—спросила меня Чармиан.

— Я голосовал За.

Она вскрикнула от изумления. Да будет всем известно, что в дни моей юности я, несмотря на свой пылкий демократизм, не сочувствовал идее женского равноправия. Даже в позднейшие годы я относился к этой неизбежной социальной реформе без всякого энтузиазма.

— Но почему же вы голосовали За?

Я ответил. Я начал отвечать подробно и с раздражением. Чем больше я об'яснял, тем больше сердился. (Нет, я не был пьян. Лошадь, на которой я ездил, недаром носила имя «Разбойник». Хотел бы я видеть пьяного верхом на этой лошади!)

И однако... как бы это лучше сказать?—Я был возбужден, чувствовал себя хорошо, был в приятно-приподнятом настроении.

— Когда женщины добьются избирательного права, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков,—сказал я.—Только женщины—жены, сестры и матери—смогут вбить гвоздь в гроб Джона Ячменное Зерно.

— Но мне казалось, что бы в дружбе с Джоном?..—заметила Чармиан.

— Я его друг. Я был его другом. А теперь нет. И никогда не был. Меньше всего я его друг в то время, когда он со мной, и когда кажется, что я его друг. Он—царь лжи. Он—воплощенная правдивость. Когда бываешь с ним, то кажется, что находишься в обществе богов. Но он также в союзе и с Курносой. Его путь ведет к неприкрашенной правде и к смерти.

— Он дает ясновидение и мутные сны. Он—враг жизни, и он учит мудрости, потусторонней мудрости жизни. Он—убийца с окровавленными руками. Он—удалая молодость.

Чармиан смотрела на меня, и по глазам ее было видно, что она задается вопросом: где я успел так напиться?

А я все говорил и говорил. Я был взвинчен. Каждая мысль в моем мозгу была дома. Каждая сидела в своей маленькой клетке, одетая присев на пороге у самой двери, как арестант в своей камере, дожидаящийся открытия дверей. И каждая мысль была видением, ярким образом, четким, не смешивающимся с другими. Мой мозг был озарен ярким, блестящим светом алкоголя. На Джона Ячменное Зерно нашел правдивый стих, и он охотно раскрывал через меня, как посредника, свое тайное «я». Я был его оратором. Воспоминания прошлого воскресли в моем мозгу и вытянулись в ряд, как солдаты на параде. Мне оставалось только выбирать любое. Я вполне владел своим умом, и на язык мне приходили как раз нужные слова. При мне был весь мой жизненный опыт, я безошибочно выбирал нужные мне факты и строил изложение. Так обманывает и издевается Джон Ячменное Зерно, причудливо изощряя ум, нашептывая роковые интуиции правды и прорубая яркие просеки в монотонной обыденности.

Я рисовал Чармиан мою жизнь и объяснял ей, какой я есть человек. Я доказывал Чармиан, что я вовсе не наследственный алкоголик, что в моем организме нет и следа врожденного химического влечения к алкоголю. В этом отношении я был нормальным человеком от роду. Влечение к алкоголю было у меня благоприоб-

ретенное. С трудом приобретенное. Вначале алкоголь вызывал во мне какое-то отвращение, как любое лекарство. Мне и теперь не нравится его вкус. Если я пью его, то только за тот удар хлыстом, который он дает. Но между пятью и двадцатью пятью годами я не ценил в нем даже этого. И только после двадцатилетнего обучения мой организм до некоторой степени приспособился к нему, а я обрел в сердце моем и в глубинах моих даже влечение к алкоголю.

Я рассказал ей, как в первый раз познакомился с алкоголем, как впервые напился, как я чурался его раньше, и объяснил ей, что приучила меня в конце концов к алкоголю, главным образом, его доступность. Алкоголь не только всегда доступен, но и всегда тут как тут. Какой бы профессией я ни занимался,—был ли я рудокопом, матросом, торговал ли на улицах газетами, или просто путешествовал по чужим краям,—я видел вокруг себя алкоголь.

Где бы и когда бы ни сходились люди, ради каких бы то ни было целей,—для веселья, для обмена мыслями, для обдумывания какого-либо предприятия или просто для того, чтобы отдохнуть от изнурительного труда,—всегда связующим звеном был для них алкоголь. Местом сборищ был кабак, как для пещерных людей—костер.

Я напомнил Чармиан, как на островах Южного Тихого Океана ее не пускали в священные хижины, бывшие для женщин табу, нарушение которого каралось смертью. Лохматые канибалы уходили туда от своих жен, чтобы попить и повеселиться на свободе. В молодости я часто искал в кабаке спасения от женской ограниченности: там я попадал в мир мужчин, где было больше простору и шири. Все дороги, полные романтических приключений, вели в кабак и оттуда—во все страны света.

— Суть в том,—закончил я свою проповедь,—что я пристрастился к алкоголю, главным образом, благодаря его доступности. Вначале я был к нему равнодушен и даже смеялся над ним, но в конце концов я все-таки сделался пьяницей. Влечение к алкоголю прививалось мне в течение двадцати лет, а в продолжение осталь-

ных десяти оно пускало в моем организме все более глубокие корни. Но удовлетворение этого влечения никогда не доставляло мне никакого удовольствия. По натуре—я человек жизнерадостный и веселый, а выпив, я становлюсь пессимистом.

— Но,—поспешил я прибавить, я всегда спешил прибавить,— надо правду сказать: Джон Ячменное Зерно правдив. Он говорит правду, срывая личину с истин, которые мы называем правдой жизни, и обнаруживает, что они—ложь. В этом его проклятие.

— Но это не улучшает жизни,—сказала Чармиан.

— Совершенно справедливо. Я и говорю: в этом его проклятие. Он ведет к гибели, и поэтому я голосовал сегодня за женщин.

Я вспомнил свою жизнь, вспомнил, какую роль в моей привычке к алкоголю сыграла его доступность. Очень немногие люди рождаются алкоголиками; я называю алкоголиками людей, у которых организм требует алкоголя и неудержимо влечет к нему. Большинство привычных пьяниц не только не чувствовало раньше влечения к алкоголю, но даже испытывало отвращение к нему. Ни первая, ни двадцатая, ни даже сотая рюмка не устанавливает еще привычки. Люди учатся пить так же, как они учатся курить. Но к пьянству привыкнуть труднее, чем к курению. Привычка к алкоголю обуславливается его доступностью. Это хорошо знают женщины, испытавшие это на собственной шкуре, как жены, сестры и матери. Когда женщины будут иметь право голоса, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков. Благодаря этому новое поколение не будет знать алкоголя и не будет иметь влечения к нему, а следовательно, не будет и чувствовать лишения оттого, что его нет. От этого выиграют и мужчины,—их жизнь будет полнее и содержательнее,—и женщины, которые будут жить с этими новыми мужчинами.

— Почему вы не напишете книги об этом в назидание грядущему поколению?—спросила Чармиан.—Чтобы жены, сестры и матери знали, за что им голосовать.

— „Воспоминания алкоголика“—сказал я и криво усмехнулся. Впрочем, скорее не я усмехнулся, а Джон Ячменное Зерно; это он

подсказывал мне все эти благонамеренные софизмы, и он скривил мою улыбку в насмешку. Он любит такие штуки.

— Зачем вы так говорите?—перебила Чармиан, не замечая издевки Джона.—Вы ведь сами говорите, что вы не алкоголик, а только пьющий человек. Вы хорошо познакомились с Джоном Ячменное Зерно. Опишите это знакомство и назовите вашу книгу: „Алкогольные воспоминания“.

Глава II

Вначале я попрошу читателя постараться понять, о ком и о чем я пишу, потому что только поняв меня, он сможет проникнуться ко мне должным сочувствием. Во-первых, я должен сказать, что я не заядлый пьяница, с врожденным влечением к алкоголю, я не дурак, и не обладаю слишком сильным животным инстинктом. Я знаю все, что можно сказать о Ячменном Зерне, от альфы до омеги, и, напиваясь, прекрасно владею собою. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня укладывали спать, и я даже не пишу мыслете. Короче говоря, я—обыкновенный нормальный человек и пью, как все. В этом вся суть. Я хочу описать, как действует алкоголь на обыкновенного нормального человека. О настоящих алкоголиках, маниаках пьянства, которых сравнительно очень мало, я говорить не буду.

Пьющие люди разделяются на два типа. Тип первый—хорошо всем известный—тупые люди, не одаренные фантазией, с оцепеневшими в оцепенелых причудах мозгами. Они идут качаясь, широко расставив ноги, и обычно кончают тем, что сваливаются в канаву. Закапчивается это состояние тем, что пред глазами у них начинают мелькать розовые слоны и голубые мыши. Над пьяницами этого типа обычно изощряют свое дешевое остроумие юмористические журналы.

Второй тип—люди с большим полетом фантазии, способные видеть сверхчувственное. Походка у них твердая, даже когда алкоголя ими припято внутрь достаточно. Они никогда не выписывают мыслете, всегда твердо стоят на ногах и никогда не теряют сознания. Опьянение касается только их мозга, но совершенно не властно над их

телом. Такой человек может быть веселым товарищем и без конца сыпать остротами; или у него могут быть видения и фантомы космического масштаба, подавляющие своей железной логикой. В этом состоянии он срывает с жизни ее обманчивые покровы, и взорам его представляется сковывающее его дух железное кольцо необходимости. Это часть наивысшей власти Ячменного Зерна. Напиться до такой степени, чтобы упасть в канаву—доступно каждому. Но страшно, когда твердо стоящий на ногах человек спокойно приходит к выводу, что единственный путь к освобождению—это ускорить свою смерть. Это час Белой Логик, когда человек понимает, что он может узнать лишь законы, которые управляют вещами, но что ему никогда не познать вещь в себе. Это для него час испытания. Он становится на тропинку, которая ведет прямо к могиле.

Он понимает все. Он знает, что все попытки разрешить проблему бессмертия имеют своим источником панический страх перед смертью, который еще увеличивает трижды проклятая сила воображения; люди не хотят умирать, у них нет воли к смерти, когда час смерти уже наступил. Они обманывают самих себя и думают увильнуть от смерти; они ободряют себя надеждой, что жизнь будет продолжаться и по ту сторону могилы, и что разложение и полное уничтожение даны в удел только бессловесным тварям. Но когда человек находится во власти Белой Логик,—он понимает, что это самообман. Смерть равна для всех. Нет ничего нового под луною, даже этой чаемой малодушными новости—бессмертия.

Он, стоящий твердо на ногах, он знает, где источник этой утешительной идеи; он знает, что он создан из плоти и костей, из солнечной энергии и космического праха, что он—хрупкий механизм, которому дан в удел лишь один момент из вечности, и что, сколько бы ни заботились о нем доктора медицины и богословия, он, все равно, в конце концов будет брошен в яму.

Разумеется, все это болезнь души, отвращение к жизни. Человек, одаренный фантазией, платит дорогой ценой за свою дружбу с Ячменным Зерном. Человек тупой расплачивается дешевле: он только балдеет от алкоголя, теряет сознание и засыпает мертвецким сном, и сны,

если они посещают его, нелепы и бессвязны. Но человек, одаренный полетом фантазии, подпадает под власть роковых силлогизмов Белой Логикки. Он видит жизнь, какой видел ее немецкий философ-пессимист. Иллюзии для него прозрачны: он видит сквозь них. Делая переоценку всем ценностям, он добро называет злом, истину — ложью, а жизнь считает шуткой. Стоя на холодных вершинах безумия, он с уверенностью бога утверждает, что жизнь—зло. При спокойном холодном свете Белой Логикки жена, дети и друзья кажутся ему призраками, фикцией. Он прозревает в них слабость, злобу и мелочность. Он не дается в обман этим мелким, ничтожным эгоистам, живущим один час, как пляшущие в воздухе поденки. Они—не свободны, они—марионетки в руках случая. Таков же и он сам. Разница между ними только в том, что он видит это, знает это. Кроме того, он знает, что свобода только в добровольной смерти. Такое сознание не может принести пользы человеку, которому нужно жить, любить и быть любимым. Логическое следствие такого состояния—самоубийство—моментальное: от нажима курка, или медленное угасание, растянутое на несколько лет; вот чем расплачиваются друзья Ячменного Зерна за свою дружбу с ним, и никому не удастся увильнуть от этой расплаты.

Глава III

Впервые я напился, когда мне было пять лет. Это было летом. Отец мой пахал в поле, и меня послали из дому отнести ему кувшин с пивом. Когда я уходил, меня снабдили инструкцией:—Смотри же, не расплещи пиво.

Я очень хорошо помню этот кувшин, узкий снизу и широкий сверху и без крышки. Пока я шел, пиво плескалось и обливало мне ноги. Дорогой я думал: пиво стоит дорого, и, значит, оно очень вкусное, поэтому старшие и не дают мне его; я уже знал на опыте, что большие часто не дают мне того, что вкусно. Следовательно, пиво тоже вкусно, и большим это известно. Кувшин очень полон, и пиво выливается зря. Какой в этом смысл? Не все ли равно, выпью я его, или оно перельется через край? А о том, что я выпил, все равно никто не узнает.

Сначала мне попала в рот пена, но она мне не понравилась: должно быть, не пена играет в пиве главную роль. Тут я вспомнил, что большие всегда сдувают сначала пену; тогда я окунул лицо в кувшин и стал пить густую жидкость.

Пиво мне не понравилось, но я продолжал пить. Раз большие пьют, то должно же это быть хорошо. Я пил его, как пьют лекарство, с отвращением. Много ли я выпил, не знаю, но спустя некоторое время я встал и пошел дальше. Я чувствовал тошноту, но думал, что, очевидно, приятное ощущение явится потом. Поле, на котором работал отец, находилось в полумиле от дома, и я не один раз еще присаживался и отпивал из кувшина. Увидев, что пива осталось немного, я стал мешать его палочкой, чтобы оно вспенилось. Действительно, на пиве явилась пена, и кувшин снова казался полным.

Отец не заметил моего обмана, с удовольствием выпил пиво и опять стал работать, как и подобает вспотевшему от жары работнику. Я пробовал пойти с ним, рядом с лошадьми, но покачнулся и упал. Отец натянул возжи, и лошади едва не раздавили меня. Потом он рассказал мне, какой опасности я подвергался: мне чуть не распорол живот лемехом. Я как во сне помню,—отец на руках отнес меня и положил в кустарник, как в то время все закружилось перед моими глазами, помню ощущение мучительной тошноты, смутное сознание какого-то нехорошего поступка.

Я проспал до вечера. Отец разбудил меня, и я с трудом побрел за ним домой. Все члены мои точно налились свинцом, а в желудке что-то переливалось и било в нос. Мое состояние походило на состояние отравленного человека. Я, действительно, был отравлен.

Время шло, и я думал теперь о пиве столько же, сколько о плите, о которую я раз обжегся. Большие говорят правду, что пиво не годится для маленьких. Большие не боятся его, но они не боятся также никаких лекарств—ни пилюль, ни касторового масла. Мне не надо пива. И я, разумеется, так и не пил бы никогда ни пива ни вообще алкоголя в каком бы то ни было виде, если бы обстоятельства не пришли алкоголю на помощь. В том мире, где я жил, Джон Ячменное Зерно встречался мне на каждом шагу и дружески улыбался мне.

Спасенья от него не было. К нему вели все дороги. И все же нужно было двадцать лет близкого общения с этим негодяем, чтобы я смог так сильно привязаться к нему.

Глава IV

Во второй раз я встретился с Ячменным Зерном, когда мне было семь лет. Причиной встречи был страх, а отнюдь не собственное желание.

Моя семья жила в это время на новой, вновь приобретенной ферме, в графстве Сан-Матео, на берегу унылого, печального залива, к югу от Сан-Франциско. Это была дикая местность, с примитивными условиями жизни. Помню, мать с гордостью говорила о том, что мы—представители старинного американского рода, а не какие-нибудь там иммигранты, как наши соседи—итальянцы и ирландцы. В этой местности мы были единственными чистокровными американцами.

Как-то в воскресенье я очутился, не помню как и зачем, на ранчо у наших соседей, ирландцев Моррисей. Там было много молодежи с соседних ферм, также старики, которые занимались тем, что пили уже с утра, а некоторые начали пить еще накануне. Моррисей была многочисленная семья, там было много стройных молодцов—дядей и племянников—с огромными кулачищами и с грубыми головами, одетых в неуклюжие сапоги.

Вдруг девушки закричали:—Дерутся! дерутся!—Все засуетились: мужчины выбежали из кухни. Два полуседых великана, покрасневшие, топтались на месте, схватив друг друга в объятия.

Одного звали Черный Мэт. О нем говорили, будто он убил уже двух человек. Женщины ахали, кричали, в ужасе закрывали лицо руками, шептали молитвы, но не переставали сквозь сложенные пальцы смотреть на борющихся. Но, могу сказать, никто не следил за происходящим более внимательно, чем я: ведь мне предстояло увидеть поразительное зрелище—убийство человека. Во всяком случае, драку-то я увижу. Но я был страшно разочарован! Черный Мэт и Том Моррисей только сжимали друг друга в объятиях и топтались на

месте, топая огромными ногами, обутыми в неуклюжие сапоги: они напоминали танцующих слонов. Для драки они оба были слишком пьяны. Наконец их успокоили и увели в кухню, где они ознаменовали вспыхнувшую снова дружбу новой выпивкой.

Скоро в кухне стали раздаваться громкие голоса и смех. Так разговаривают и смеются люди с здоровыми легкими. Виски развязало языки молчаливых фермеров. Я встал на цыпочки и, побеждая страх, который побуждал меня бежать прочь без оглядки, с любопытством заглянул в кухню, чтобы посмотреть, как ведут себя большие. Я очень удивился, увидев Черного Мэта и Тома Моррисея: они обнялись, навалившись на стол, обливались слезами и нежничали.

Выпивка продолжалась своим чередом, и собравшиеся во дворе девушки стали все больше беспокоиться. Они знали, к чему ведет пьянство, и, предчувствуя неладное, хотели уйти пораньше по-добру—по-здорову, пока еще ничего не случилось; они намерены были пойти за четыре мили на итальянскую ферму; там они надеялись потанцевать.

Молодежь разбилась на пары и пошла—каждый парень со своей «дамой сердца»—семилетние мальчики обыкновенно бывают лучше всех осведомлены в амурных делах. Мне тоже дали даму—маленькую ирландку, мою ровесницу. Мы были единственными детьми во всей компании. Впрочем, там не было никого старше двадцати лет, а девушки были четырнадцатилетнего и шестнадцатилетнего возраста. Я и моя дама возбуждали у взрослых покровительственное отношение. Я вел свою даму под руку, а иногда даже брал ее за талию, как мне советовали старшие. Несмотря на неудобство такого положения, я все же чувствовал гордость от сознания, что я тоже мужчина, и что у меня тоже есть «дама».

Итальянское ранчо было населено исключительно холостяками, и поэтому нам там очень обрадовались. Всем дали красного вина, и моментально убрали столы из большой столовой, чтобы можно было танцевать. Молодые люди пили вино и танцевали под гармонику.

Музыка казалась мне божественной: я еще никогда не слышал музыки. Молодой итальянец, игравший на гармонике, и сам иногда